

Людмила Васильевна КЕОСЬЯН родилась на Урале 23 декабря 1941 года. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии — инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор трёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья» и «Самарины». Лауреат конкурсов короткого рассказа за 2020 и 2021 годы.

Я ЭТОЙ ПАМЯТЬЮ ЖИВУ

От юбилеев не уйти, они настигнут нас, как птицы... Вот и мой юбилей подкрался бесшумно, словно на цыпочках, неожиданно-негаданно. На душу синим туманом легла печаль: пора подводить итоги своей жизни, которая начала свой обратный отсчёт... Но настроение скрасила посылка, прилетевшая с Урала — моей малой родины. Через минуту я уже смеялась, забыв про свою кручину: яркими жёлтыми буквами на чёрного цвета футболке красовалось: «Я — ДАМА ТВОРЧЕСКАЯ, ХОЧУ — ТВОРЮ, ХОЧУ — ВЫТВОРЯЮ!» А рядом — улыбающийся смайлик с высунутым языком. Да уж... вытворять-то я любила с самого раннего детства.

Шёл первый год мирной жизни. Закончилась война, которая навсегда отняла у меня моего отца. Он пропал без вести за

месяц до моего рождения, в ноябре 1941 года. На память о нём остался только его дневник, который хранила мама в сундуке рядом с папиными вещами, не веря в гибель своего мужа. Не с этого ли отцовского дневника у меня появилась тяга к писательскому труду? Не с него ли в последующие школьные годы день сочинения всегда превращался в праздник, от которого замирало сердце?

Шестого марта 1953 года, казалось, плакала вся страна: по радио сообщили, что умер наш вождь товарищ Сталин. В этот день я, одиннадцатилетняя, написала первое в своей жизни стихотворение. Начиналось оно так:

Умер Сталин. Сиротами стали ты, и я, и родные поля.
Даже снег по-иному стал таять: видно, плачет под ним вся Земля.
Я сегодня, как все пионеры, дала клятву по-сталински жить,
Всегда и во всём быть первой и Родине честно служить...

Показала свои стихи учительнице, Ольге Николаевне. А она в этот же день унесла их в редакцию нашей городской газеты. И их напечатали! Как я гордилась тем, что мои строчки оказались помещены рядом со стихотворением Джамбула Джабаева!

Шли годы. В 1959-м, окончив школу, поступила в Уральский политехнический институт. Но в любое свободное от сопромата, теормеха время брала свою заветную тетрадочку и писала стихи: тут были посвящения и Патрису Лумумбе, и Фиделю Кастро, в которого тогда все мы, девчонки, были влюблены. А потом ко мне пришла первая земная, уже совершенно не виртуальная любовь. И затмила всё. Своим чувством хотелось поделиться со всем миром. Написала стихотворение, которое помню до сих пор, отправив его в журнал «Юность». И стала ждать. Думала: открою свежий номер журнала, посмотрю в оглавление, увижу свою фамилию, а там... Голова кружилась от ожидания этих счастливых минут. Святая наивность! Но из журнала всё-таки пришёл ответ. В нём было написано, что стихи мои редакции понравились, но их, конечно, нужно ещё дорабатывать. А в конце — просьба написать что-нибудь для их журнала из прозы. По-детски обиделась. В то время я считала прозу литературой второго сорта. Как же я заблуждалась...

И ещё судьба давала мне шанс изменить свою жизнь. Однажды — это было уже после окончания института — мы поехали на экскурсию в Кунгурские пещеры, которые, находясь на стыке Европы и Азии, равносильны по известности с

нашими «Красноярскими Столбами». Впечатления были просто завораживающие. Решила попробовать поделиться с читателями той незабываемой красотой. И уже не в стихах, а в очерке. Отправила его в редакцию городской газеты «Знамя Победы» по почте. А через неделю со мной встретился главный редактор и предложил стать внештатным корреспондентом этой газеты. Вот так, сразу. Почему не согласилась, до сих пор не пойму. Может, потому, что с головой окунулась в работу инженера-конструктора, в которой тоже были элементы творчества, хотя и другого толка. Но стихи продолжала писать. Включилась активно в работу городского литературного объединения, много ездили по производственным предприятиям, по сёлам Зауралья, читали свои произведения...

В 1971 году наша семья переехала в Красноярск. Своей конструкторской профессии я и здесь не изменила. Но литература уже прочно свила гнёздышко где-то в глубине моей души. На гибель космонавтов Волкова, Добровольского, Пацаева моё сердце откликнулось такой болью, что было невозможно не написать строки стихотворения, которое будет напечатано в «Комсомольской правде»:

Как там всё было — не знаю, не ведаю,
Оттого мне ещё больней,
Словно в жарком огне сорок первого
Я потеряла свих сыновей...

Спустя четыре года в любимой мною «Комсомолке», в праздничном номере, посвящённом Дню Победы, будет опубликовано моё письмо, посвящённое отцу, пропавшему без вести. Писала с надеждой: а вдруг он, Соколов Василий, жив и не знает, что у него есть взрослая дочь, вдруг откликнется? Не откликнулся...

А потом пришли девяностые. Конец советской власти, которая нас воспитала, вывела в люди. К власти путём обмана нашего доверчивого народа пришли люди, для которых главное было совсем не любовь к Отечеству. Обращение Ельцина к гражданам России о роспуске им Верховного Совета. Помню, был дождливый осенний день. И его слова: «Мы с вами надеялись...» Схватила лист бумаги и, волнуясь и ненавидя тот мир, который он нам навязывает, написала ему открытое письмо: «Нет, мы не с вами, Борис Николаевич! Мы против вас и как человека, и как президента. Это не Верховный Совет утратил

право находиться у рычагов государственной власти, как говорите вы: это президент Ельцин утратил такое право. Вас научили носить модный галстук, делать в нужный момент улыбку, поменять „шта?“ на „что?“, но не научили главному: любить свой народ, любить свою страну». А в конце обратилась к своим землякам-красноярцам: «Давайте выйдем на улицы нашего прекрасного города и скажем Ельцину: „Нет!“ Потребуем его отставки!» — и, не переписывая набело, унесла крик своей души в редакцию «Красноярской газеты». И письмо напечатали! На предприятии, где я работала, его встретили неоднозначно. Одни говорили: «Вот дура! Что она вытворяет? Ведь посадят!» Другие — поддерживали, одновременно с опаской оглядываясь по сторонам. А подвела итог шушуканью начальник отдела кадров, сказав: «Если бы Людмила была журналистом, её давно бы уже убили...» Да... такие наступали времена.

Но и в дальнейшем я продолжала время от времени публиковать свои заметки и листовки в этой оппозиционной газете, призывающие не голосовать за ельцинскую конституцию, а потом и за нового, молодого президента, который первым своим указом предоставил наивысшие гарантии разрушителю нашей страны Ельцину.

Прошло время. Выйдя на пенсию, задумалась: а почему бы мне не попробовать себя и в другом жанре? Первый рассказ «Арменуи» в альманахе «Русло» был принят читателями с интересом. За ним последовали и другие. Наконец, вышли в свет две мои книги, «Реабилитированные» и «Право на крылья», а также художественно-документальная повесть «Самарины», изданная её героями в городе Каменск-Уральский. Книга охватывает события, начиная с тридцатых годов и кончая нашими днями. Через некоторое время, прослышав, что в Красноярске существует замечательный альманах «Новый Енисейский литератор», решила попробовать свои силы там, где публикуются авторы из многих городов России. И у меня получилось! Только жаль, что поздно начала писать свои рассказы. Здесь я полностью согласна с писателем Владимиром Нестеренко. Выношу ему искреннюю благодарность за оценку моего творчества, за понимание, к чему тянется моя душа. А время летит быстрокрылою птицей... И мы слышим бой часов... Нужно поторопиться.

Сегодня мне восемьдесят. Но буду писать, пока живу, пока дышу, пока позволяют силы...

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

«Соседи по даче — родня на старость». Такая мысль пришла мне в голову уже давно, лет этак двадцать назад. И как-то незаметно она вошла в обиходную лексику всего нашего Заречного садово-огородного товарищества. С семьёй Кутузовых мы соседствуем почти полвека. Добрые взаимоотношения установились сразу. Когда другие соседи взялись сразу устанавливать заборы между участками, мы решили: никаких ограждений нам не надо. Хозяин, Николай, темноволосый высокий молодой мужчина с выразительным взглядом тёмно-карих глаз, оказался электриком высшего разряда. Жена его, Валентина, женщина тоже рабочей профессии, ловкая, быстрая, работала на цементном заводе аппаратчицей. Двое детей, десяти и тринадцати лет, девочки. Если есть на свете трудоголики, то Валентина — одна из них, а может даже — первая. Мы с мужем тоже не лентяи, но, просыпаясь по утрам, всегда видели её уже перекопавшей не одну грядку. И так каждый день, с утра до вечера, только менялись работы соответственно дачному сезону. Даже в морозящий дождь, который не редкость в наших краях, она всегда на своём посту. Исчезнет с поля зрения — значит, готовит обед. В подтверждение тому — её появление на веранде:

— Ребятишки, Коля — обедать!

На их огороде — ни травинки! Однажды я, проходя мимо, увидела: рядом с их забором, по дорожке, усыпанной по краям жаркáми и фиалками, навстречу мне идёт старенькая бабушка с внучком лет шести. Вдруг мальчик остановился, сделал шаг к штакетнику. Но, оказалось, цветы мальчишку совсем не интересовали.

— Баба, баба! Посмотри-ка! — показывая пальчиком в огород наших соседей и удивлённо раскрыв свои голубые глазёнки цвета небесной выси, воскликнул. — А в этом огороде трава вообще не растёт? Почему?

Но оказалось, не всё в этом семействе ладно. Николай — мастер на все руки, он сразу приобрёл известность умельца: и утюг починить, и плитку, и антенну сварить, отремонтировать часы, телевизор. Все дачники потянулись к нему со своими проблемами. Расплачивались, разумеется, отнюдь не газировкой. Это Николая и сгубило. Пришло время, когда он без спиртного уже не мог существовать. Ходил по соседям, занимал деньги. И никогда не отдавал. Больше всех страдала, конечно,

Валентина. За долгом кредиторы шли к ней. Отдавала скрепя сердце. Но потом, обойдя всю округу, решительно объявила:

— Мужу моему деньги не давать! Так и знайте: от меня больше не получите ни копейки.

Пришла домой, бросилась на диван и долго, впервые за все дачные времена, лежала, уткнувшись лицом в мокрую от слёз подушку. А потом встала и, стараясь не показать зарёванного лица девочкам, опять взяла тляку и вышла в огород.

Шло время. Николай так и продолжал пить. Помню, пришёл к нам в дом. Не успел переступить порог, как веранда, служившая одновременно и кухней, сразу наполнилась запахом алкоголя, смешавшись с приятным, щекочущим ноздри запахом жареной курицы на нашей газовой плите. Поднял на меня, виновато моргая своими длинными ресницами, глаза:

— Татьяна, деньгами не богата будешь? — и потупил взгляд, помня: сколько ни брал у нас с мужем денег, ещё ни разу долг не отдал.

И я решила с Колей не миндальничать: перед глазами сразу встало заплаканное лицо Валентины, все её страдания за последние времена.

— Богата. Только зарплату получили. Но тебе не дам, — сказала внешне сурово, хлётко, хотя сердце разрывалось от боли за этого, в сущности, очень доброго, всегда готового помочь любому, кто попросит, человека.

Боясь в тот же миг расплакаться от жалости к нему, повернулась к газовой плите. И тут же услышала за спиной у себя грохот. Оглянулась. Николай стоял на коленях и умоляюще смотрел на меня:

— Таня, прошу тебя, последний раз. Ну честное слово. Я брошу пить, клянусь тебе...

В глазах его стояли слёзы. Каюсь, не выдержало моё сердце. Достала кошелёк и протянула ему десять рублей.

— Возьми. И не отдавай. Но чтобы это было в последний раз. И последняя твоя бутылка. Посмотри, какие у тебя девочки, круглые отличницы, какая у тебя жена...

Забыты клятвы, забыты слёзы. Летели годы, но ничего не менялось. Бытует мнение: гены пальцем не раздавишь. Раздавишь, ещё как раздавишь, если рядом такой устрашающий пример — с одной стороны, а с другой — любимая, заботливая мама. Страдающая, несущая на себе всю тяжесть семейной жизни. Младшая дочь, Вера, окончив школу с золотой

медалью, поступила в медицинский институт. За все шесть лет учёбы не получила ни одной четвёрки, и единственной из всего выпуска молодых врачей ей вручили диплом с отличием. Старшая, Оксана, выбрала для себя профессию филолога: её с детства тянуло к литературе.

Матери никогда не забыть тот вечер.

— Мама, нам надо с тобой серьёзно поговорить, — обратилась к ней старшая дочь.

Валентина в это время гладила после стирки постельное бельё. Почувствовала: разговор будет серьёзный. Заколотилось с перебоями сердце. словно не слыша, продолжала водить раскалённым утюгом по пододеяльнику. Младшая, Вера, молча подошла к ней и выключила утюг. «Какие они у меня разные: одна — разговорчивая, открытая, другая — всё держит в себе, любая фраза — на вес золота. Но так получается, что последнее веское слово всегда остаётся за ней», — бросив искоса взгляд на Веру, подумала она, садясь на скрипучий старенький диванчик.

— Мама, разведись с папой. Так жить дальше нельзя, — произнесла именно Вера.

Наступила вязкая, гнетущая тишина. Оксана, видя, как лицо матери прямо на глазах начало заливаться пунцовостью и тут же сменившей её бледностью, обняла её за вздрагивающие плечи:

— Мамочка, пожалей себя, мы тебя очень просим. Не думай, что это наше скоропалительное решение. Сколько помним, всегда об этом думали, сколько слёз пролили, сколько переговорили наедине, если бы ты знала. Мы ведь давно повзрослели. И не о себе думаем, а только о тебе. Разведись.

Валентина не поднимала головы. Глаза жгли колючие, словно раскалённые иголки, слёзы. Дети ждали. Наконец она подняла голову, распрямила спину и взглянула поочерёдно в ожидающие глаза своих девочек.

— Нет, ребяташки (они всегда оба с Николаем в разговоре дочек называли именно так), без нас наш батька пропадёт. Да, пьёт он эту чёртову горькую, заманила она его, проклятая. Но у него же добрейшее сердце, разве вы этого не видите? Ему же даже муху жалко прихлопнуть... А руки какие? Всем соседям, академикам да профессорам, кто ремонтирует все их машинки накрученные? Наш батька! Нет, нет и нет! Вы как хотите, а я его не брошу! Всё, мне надо гладить! — Валентина встала и включила утюг.

Но вскоре в семью Кутузовых пришла неожиданно-негаданно новая беда: умер младший брат Николая, Олег, инженер-конструктор, которого он очень любил. Николай перестал спать вообще. Лежал все ночи и смотрел в темноту раскрытыми глазами, выходил на балкон, курил, стоя в облаке дыма, на морозном декабрьском ветру. Думал: «Лучше бы я умер, а не Олежка. А какие люди были на похоронах: весь проектный институт, казалось, пришёл на проводы... А что я? Одна обуза моим девчонкам». И, неслышно ступая, отыскивал спрятанную от домашних пластиковую заветную бутылочку. Выпив, ложился на кровать. Вот и сегодня, чувствуя, что наконец к нему подступает сон, решил: «Завтра поеду к Олежке. Как он там один?»

И вот уже три часа, не сказав никому, что едет на кладбище, сидит рядом со своим братишкой. В тот день было морозно, ветрено.

— А ты помнишь, братка, как мы с тобой на рыбалку ходили, как я учил кататься тебя на велосипеде, как коросты на коленках марганцовкой отпаривал, как яблоки воровали у дяди Семёна в саду? Знаю, помнишь...

На кладбище стояла тишина. Мороз крепчал. Не грела даже водка, к которой он то и дело прикладывался, вынимая из кармана плоскую бутылочку. Потянуло в сон...

Николая, лежащего на снегу рядом с могилой брата, случайно обнаружили двое кладбищенских рабочих, везущих на тачке газовый баллон.

— Смотри, мертвяк вроде... — сказал, выматерившись, старший.

Остановились. Неуверенно подошли, оглядываясь по сторонам. Вокруг — никого, только вороньё летает над могилами в поисках пропитания. Видя каждый день покойников, мужики воспринимали их как обычное явление, не вызывающее ни сострадания, ни боли. Младший легонько пнул лежащего по ноге. Удар пришёлся по колену. И тут же отдернул ногу, услышав сдавленный стон.

— Смотри, изо рта пар пошёл! Да он же живой!

Наклонились над Николаем. Тот мычал что-то нечленораздельное. Старший толкнул в плечо малого:

— Вовка, шуруй в будку, вызывай скорую, участок шестьдесят четвёртый! Чёрт его знает, может, у мужика инфаркт или ещё какая-нибудь хрень, хоть и видно, что принял на грудь

порядком, вишь, почти всю опростал, — бутылка Николая ваялась рядом, заполненная на четверть.

— Дядь Вась, я щас, щас, мигом! — и пацан понёсся, скользя по недавно выпавшему снегу.

Василий взял бутылку, наклонился над Николаем.

— Давай, друг, глотни, согрей свои внутренности, — и влил в рот ему почти всё содержимое, удивляясь, что тот даже не закашлялся. — Во, прошло как по маслу. Молоток, даже и мне чуток осталось, — и опрокинул остатки себе в рот.

Николай продолжал мычать. Василий ничего не мог разобрать. И вдруг услышал, как в горле у того что-то клокотнуло и он отчётливо произнёс:

— Мне надо домой. У меня дочь — врач, — и следом чётко прозвучал адрес.

Скорая приехала через двадцать минут. Не определив ничего угрожающего для жизни, увезли. По дороге немного пришедший в себя Николай уговорил врача довезти его только до дома.

Оказалось, что у отца обморожение ступней четвёртой стадии. Ткани, особенно на пятках, полностью омертвели. Валентина не отходила от мужа ни на минуту, пока Вера, в то время уже заместитель главного врача роддома в их городке, договаривалась со своими знакомыми хирургами о срочной госпитализации отца.

— Коля, у тебя ещё что-нибудь болит, там, внутри? — гладила и гладила лицо мужа, поила крепким чаем с мёдом.

А в глазах стоял другой Николай, тот, в кого она влюбилась девчонкой: красивый, молодой... из хорошей семьи. Да она и сейчас его любила, вот такого, какой он есть, больного, не понимающего, что сотворил с собой.

— Ничего у меня не болит. Всё нормально, — отвечал муж.

Валентина знала: у мужа всегда всё было «нормально». «Нормально» — это любимое его слово, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, случавшиеся с ним за все эти тридцать лет их нелёгкой семейной жизни.

Вера договорилась с лучшими хирургами, чтобы обследовали их батьку. Вердикт был неутешителен: началась гангрена, от отморожения пострадали даже пяточные кости. Иван Герасимович, главный травматолог больницы скорой медицинской помощи, пытался успокоить её. Они сидели в его кабинете.

Вера, несмотря на обычную для неё сдержанность, не могла скрыть слёз.

— Верочка, мы сделаем всё, что в наших силах. С гангренгой справимся однозначно. Приведём в порядок кости, сделаем пластику ступней. Лоскуты для пересадки возьмём с бёдер. Технически сложно, но мы справимся. Привлечём к работе микрохирургов, — Иван Герасимович, как профессионал, лишних слов не говорил никогда, но если что говорил — этому можно было верить безоговорочно.

Забегая вперёд, скажу: на ноги доктора Николая всё же поставили. Конечно, так, как он раньше ходил и бегал, — об этом можно было забыть навсегда. Ходил с тросточкой, слегка прихрамывая. Но на своих ногах! Жизнь продолжалась. Работал, как и прежде, электриком, вся мужская домашняя работа как была на нём, так и осталась. Так же строгал, пилил, занимался любым ремонтом; на даче никогда не зарастала тропинка к их дому всех, кто обращался к нему за помощью. Не могу сказать, что наш сосед абсолютно завязал с выпивкой, но такого позора, как раньше, он себе уже не позволял.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Первой забила тревогу Валентина:

— Ребятишки, что-то наш батька похудел очень. Аппетит стал намного хуже, чем раньше, — и подняла глаза на Верочку.

Дочь кивнула головой. Она тоже заметила, что папа всегда просит, чтобы ему поменьше клали еды в тарелку, ест без азарта даже свои любимые голубцы — такого раньше за ним не водилось. Не говоря матери, давненько уже заводила разговоры с отцом, всё ли у него в порядке, не болит ли желудок или живот. Ответ был один:

— Что ты, дочь, пристаёшь ко мне? Всё у меня нормально. Похудел? Так специально сбрасываю вес: скоро дачный сезон, ни к чему мне лишние килограммы.

Но, несмотря на такое заявление отца, в доме поселилась тревога. Ловя на себе постоянные настороженные взгляды своих девчонок, злился:

— Что опять уставились? Вон, смотрите своих Киркоровых да Басковых, вишь, соловьями распелись!

Но всё было гораздо серьёзнее. Вот уже стало явно заметно, что Николай терпит боль, постоянно его терзающую. То руку положит на желудок, то неожиданно встанет и удалится или в туалет, или на балкон. После еды начинало его рвать,

чего бесшумно сделать не всегда удавалось. Сколько дочери ни настаивали лечь в больницу на обследование, отказывался наотрез. И худел... Валентина уже давно начала поить его водочным настоем золотого уса. Это лекарство Николай пил с удовольствием. Никогда не отказывался. Но пришло время, когда боль так скрутила его, что он согласился на обследование. Вера убедила его: обследоваться нужно обязательно в онкологии, потому что только там есть такой новейший аппарат, который «видит всё», до миллиметра. Итог: четвёртая неоперабельная стадия рака желудка. Но онкологи всё же решились на операцию. Только из-за убедительной просьбы Веры Николаевны.

В день операции вся семья сидела в коридоре возле операционной. И ждала: как-то их батька перенесёт её? Валентина плакала безудержно, старшая дочь — тоже. Только Вера сидела молча, никого не успокаивая, закаменевшая в ожидании: характером она была вся в отца.

Вышел оперирующий хирург. Молча взял Веру за локоть и увёл с собой в ординаторскую. Полчаса трудного, тяжёлого разговора. Кардинального хирургии ничего не сделали: слишком поздно. Расширили только проход из пищевода в поражённый желудок для прохода пищи. Вера задала лишь один вопрос:

— Александр Юрьевич, какой ваш прогноз?

— Два месяца жизни. И никак не больше.

Прошло две недели кошмара и ожидания катастрофы. Валентина истступленно искала какие-то народные средства, Оксана не вылезала из Интернета в поисках рецептов, которым «можно вылечить рак». Тем более Интернет пестрел роликами: «РАК ИЗЛЕЧИМ!» Николай соглашался уже на всё: пил соду по часам, настойку чистотела, какую-то коричневую, противно воняющую жидкость, которую достали с трудом друзья. Говорили, что это самое надёжное средство даже при четвёртой стадии рака. Вера же, как врач, убеждала маму в том, что нет такой волшебной палочки: в научном мире лечение рака травами и грибами официально признано ненужным и даже небезопасным. Объясняла и маме, и старшей сестре, что лечебный эффект от их лечения — ноль!

— Это же всё яды, мамочка, убивающие иммунную систему человека!

А мама смотрела на дочь полными слёз глазами и шептала:

— Ну надо же что-то делать, не могу я видеть, как наш батька мучается, не могу сидеть и ждать его последнего вздоха... осталось полтора месяца...

Если бы мне кто сказал, что случилось дальше, я бы никогда не поверила. Именно Вера, сказав домашним, что ночным рейсом улетает на два дня в Москву на симпозиум, вот уже пятый час едет в поезде, следующем до Иркутска. Не в командировку, а в какую-то деревню под Иркутском, к какой-то незнакомой бабуле, которая, по словам знакомого врача, лечит рак даже в тяжёлой стадии.

— Верочка, дорогая, я тоже не особо верю в эту сказку, но моя тёща, по её словам, встала на ноги и жива до сих пор только благодаря этой старушке. У неё тоже был рак желудка.

И Вера решилась на эту поездку, хотя в душе считала её самой настоящей авантюрой, в которую позволила втянуть себя.

До деревни, в которой жила знахарка баба Фила, она доехала на стареньком, дребезжащем, как куча металлолома, автобусе. Точного адреса Вера не знала. Остановились около заброшенного, как и все рядом стоящие избы, дома. Видимо, когда-то здесь был клуб, о чём говорила болтающаяся на одном гвозде вывеска. Улица была пустынной, занесённой снегом. Подумалось: «Может, здесь вообще уже никто не живёт?» Пройдя метров сто, увидела, что к некоторым избам протоптаны дорожки и кое в каких курится еле заметный дымок из труб. Вздохнула с облегчением. Свернула по узенькой тропинке в первый попавшийся дом. До неё донеслись слова: «...На нём защитна гимнастёрка...» Вера толкнула калитку и увидела довольно молодую деваху с пустыми вёдрами, направляющуюся, видно к колодцу, который заметила Вера около дома напротив. Та, поставив вёдра, недоумённо взглянула на неё:

— О, к нам гости! Ты кто такая будешь?

— Добрый день! Я приехала к бабе Филе. Вот только не знаю, где она живёт. Вы не подскажете мне? — сказала, а где-то около желудка кольнуло: жива ли эта бабушка?

— Ха, да вот у самого колодца она и живёт. Пойдём, заведу тебя к ней. Прибаливает она последнее время.

Подошли к воротам бабы Филы. Удивило: ворота были из металлического профнастила, на вид — совершенно новые.

— Да, — заметив оценивающий взгляд Веры, брошенный на них, улыбнулась деваха, — какой-то бизнесмен в знак

благодарности смастрячил ей вот такое чудо. А ты тоже, наверное, не просто так приехала к Филе?

— Не просто... — вздохнула Вера.

Баба Фила оказалась не такой уж и древней бабулей. Она сама, услышав голоса во дворе, открыла дверь. Среднего роста, из-под платка выбивается прядь седых с голубизной волос. В старом, советских лет, спортивном костюме, в одних носках, без тапочек. Из дома пахнуло теплом и чем-то, как подумалось Вере, напоминающим её детство, когда были живы ещё Верины бабушка и дедушка.

— Проходите, гости дорогие, чем богаты...

Вера вошла, села на лавку, покрытую вязанным крючком зелёным ковриком.

— Разболокайся, милая, вижу, с дороги ты. Сейчас чай сварганю. Я ещё тоже не завтракала.

Через полчаса Вера неожиданно почувствовала себя здесь, в этой избе со стоящим в углу фикусом и цветущими геранями на подоконнике, своим человеком. Рассказала, какое несчастье произошло в их семье.

— А ты, случаем, не врач, девка? — услышав в рассказе Веры специфические медицинские термины, спросила баба Фила.

— Да, бабушка, врач, да ещё и кандидат наук, — опустив голову, пытаюсь скрыть подступающие к горлу слёзы, через силу усмехнулась Вера. — Вас, наверное, удивляет мой приезд?

— Не-е-ет, милая, не удивляет. Я уж ко всему привыкла, всяко повидала за свою жизнь. Помогу я тебе, хоть ты и не веришь в это. Не веришь ведь? Ладно, не отвечай. Сама всё знаю.

Уезжала Вера с двумя большими пакетами трав. Видно было, что это сбор каких-то растений, среди которых желтели цветочки, как показалось Вере, чистотела и пижмы. Бабушка рассказала, как делать настои и отвары из этих трав, как принимать. Но, что огорчило Веру, она отказалась брать деньги. Как ни уговаривала её Вера, не взяла. Напоследок сказала:

— Приедешь домой — сделай так: в двенадцать часов ночи искупайте своего батьку, соберите снятую с него одежду, даже тапки, выйдите на улицу и сожгите всю эту кучу до пепла. Поняла? Сделашь?

— Сделаю. Спасибо вам, баба Фила, — обняв на прощание старушку и улучив момент, когда та скрылась за кухонной

занавеской, положила под коврик скамейки двадцать тысяч рублей.

Приехав домой, Вера, чувствуя себя последней идиоткой, на автомате сделала всё, что велела ей бабуля. Когда она собрала отцовскую одежду и пошла её сжигать, мать, накинув на себя что попало под руку, бросилась вслед за дочерью, догнала её на выходе из подъезда, схватила за плечи, прижала к груди, и — слёзы у обеих!

— Ты не в Москве была?

Вера покачала головой:

— Нет, мамуля, я, наверное, совсем сошла с ума...

— Нет, дочка, просто мы, оказывается, очень любим своего непутёвого батьку.

Вопреки прогнозу докторов, Николай вместо отмеренных ему двух месяцев прожил ещё восемь лет. Настои бабулиной травы, золотого уса, которыми были заставлены все подоконники в их четырёхкомнатной квартире, продлили его жизнь. Хотите — верьте, хотите — нет, но так всё и было.

Послесловие

По истечении подаренных или Богом, или бабой Филой, или заботой, которой окружили Николая его родные люди, лет он вдруг снова заболел. Непонятно откуда взявшаяся слабость просто валила его с ног. И снова ангел-хранитель их семьи — младшая дочь — повезла его в онкологический центр. Обследовали Николая с ног до головы. Особо докторов интересовал его желудок. Но каково же было удивление семьи, когда консилиум вынес неожиданный вердикт: «Это не наш больной. Относительно онкологии пациент чист, как снежок». В желудке доктора обнаружили благополучно зарубцевавшуюся огромную язву. Умер Николай от атеросклероза. Скоропостижно. Во сне. Не мучая ни себя и никого из близких, о чём всегда мечтал, задумываясь о бренности нашей жизни. Говорят, такую смерть надо заслужить. Видно, заслужил.